

Артюхов А.И.,
аспирант Краснодарского
государственного института
культуры

УДК 1/14

ПРОБЛЕМА ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ XI–XVIII ВВ.

Аннотация: рассматривается понятие «предназначение человека» как концепт русской культуры на материале русской философской и гуманитарной мысли XI–XVIII вв. Обосновывается важная роль этого судьбоносного и судьбоопределяющего концепта в духовной жизни и социальной практике. Концепт «предназначение человека» рассматривается как мировоззренческий, смысложизненный принцип и норматив общественной и личной жизни.

Ключевые слова: русская философская мысль XI–XVIII вв., проблема человека, проблема предназначения человека.

Artyuhov A.I.,
Krasnodar State Institute of Culture,
postgraduate student

PROBLEM OF MISSION OF THE PERSON AND SOCIETY IN THE RUSSIAN PHILOSOPHICAL THOUGHT OF THE XI-XVIII CENTURIES

Summary: the concept «mission of the person» as a concept of the Russian culture on material of the Russian philosophical and humanitarian thought of the XI-XVIII centuries is considered. The important role of this fatal and sudboopredelyayushchy concept locates in spiritual life and social practice. The concept «mission of the person» is considered as the world outlook, smyslozhiznenny principle and the standard of public and private life.

Keywords: Russian philosophical thought of the XI-XVIII centuries, problem of the person, problem of mission of the person.

Проблема предназначения личности и общества относится к мировоззренческим темам. Если в русской философии рассматривается тема смысла жизни, то проблема социального предназначения, в основном, игнорируется. Между тем, среди этических трудов Н.А. Бердяева есть «О назначении человека» (Париж, 1931). Кроме того, в повседневной практике социальной деятельности и воспитания на каждом шагу апеллируют к предназначению человека, общества, используя понятия «судьба», «история», «прошлое и будущее», «цель» и др.

Тема предназначения неразрывно связана с проблемой смысла жизни и частично совпадает с ней в смысловом отношении. Точнее, вопрос о предназначении – это проблема смысла бытия, сформулированная в аспекте долженствования и цели. В культуре такого рода программы закодированы в символах, выражающих содержание гражданского и нравственного сознания, содержание нормативной сферы социума и государства.

В IX веке в «Житии Кирилла» указывается, что задача человека делами своими быть подобным сотворившего его [1]. Предназначение человека видится в том, чтобы уподобиться, насколько это воз-

можно, Творцу. Философия должна была раскрывать идеальные ценности. Кирилл философ, Клим Смолятич, Максим Грек одобряли греческую традицию. Сильна была и аскетически-мистическая традиция, в которой истинные христианские ценности считалось возможным постичь помимо мудрости.

Человек в древнерусской книжности – связующее звено материального и духовного начал жизни. Между собой конкурировали взгляды о единстве духовного и плотского (митр. Никифор) и о превосходстве духовного над плотским (К. Туровский, Н. Сорский).

Мировоззренчески на Руси в то время господствовала концепция предопределения. Ее бесспорно поддерживал Иван Грозный, утверждая, что «везде несвободно есть». В целом историософские оценки были морализаторскими, в рамках христианской доктрины греха и искупления. Само по себе наличие историософской проблематики и ее обсуждение говорит о том, что проблема предназначения социума и личности обсуждалась. Фаталистическая же ее трактовка И. Грозным свидетельствует о том, что деспотической власти идеологически выгоднее фатализм.

В образе Феодосия Печерского Нестор обрисовал модель идеального образа жизни. На первом месте – аскеза (телесная – пост, духовная – молитва). Отречение от всего мирского, уход в монастырь и нестяжательство – так видится идеальное предназначение человека. Таков идеальный путь к Богу. В «Изборнике 1076 года» и в «Поучении» Владимира Мономаха основным нравственным предназначением человека считается программа «малых» дел, добрых поступков: нищелюбие, милостыня, умеренность, хозяйственная хватка (Мономах) [2].

В идейной жизни Московской Руси важную роль играло противостояние нестяжателей (Нил Сорский) и иосифлян (Иосиф Волоцкий). В идеологии нестяжательства человек поставлен в позицию пренебрежения мирскими и плотскими ценностями, труд рассматривался как жертва Богу и польза обществу. Образцом идеального подвижничества в этом случае является игумен Троицкого монастыря Сергей Радонежский (1314/1322-1392). Уединение Сергия и его учеников – это пример не отшельничества, а деятельного служения мирянам, спасение мирян через служение им. Учительство, убеждение собственным примером использовалось учениками Сергия Радонежского для освоения Русского Севера.

Иосифляне (Иосиф Волоцкий 1439/40–1515) были ориентированы на послушание, закон, покорность. Человек как венец творения подобен Богу и даже свобода воли рассматривалась как результат проявления надприродного начала. Взгляды иосифлян социально были мотивированы интересами представителей церковной и земельной собственности.

Важную роль играли идеи Феофана Прокоповича, который был не только богословом и теоретиком, но и идеологом практиком. Он был ярким сторонником и идеологом реформ Петра I, которые он поддерживал в работах «Духовный регламент», «Слово о власти и чести царской», «Правда воли монаршей», «Розыск исторический». В понимании социального порядка он придерживался передовых для того времени идей естественного права. В своей теории просвещенного абсолютизма он основывался, с одной стороны, на признании абсолютной пользы государства, а с другой стороны, на признании абсолютной рациональности воли монарха. Светская власть выше всего и повинуеться только Богу. Государство признается абсолютным средством в регуляции и создании гармонии общественных отношений.

Таким образом, в социально-политическом плане предназначение русского человека виделось в абсолютной покорности государству, государю и Богу. Государственный долг ставился выше личного, личное счастье было на втором месте. Социально полноценным им признавался лишь индивид с достатком, он отказывал в счастье нищенствующему. Мерилом достоинства личности признавались только рациональные признаки – польза, которую он достигает трудом и личными заслугами. Однако эта рациональность должна быть признана и символизирована во введенной при Петре I «Табели о рангах».

Иначе говоря, социальная ценность индивида и его реализация оценивались не только нравственно-символически, но и закреплялись с помощью формально установленной иерархии чинов и званий.

К церкви Прокопович относился рационально и прагматически. Он симпатизировал Лютеру, признавал исключительную роль Священного писания и церковь понимал как общество христианской взаимопомощи.

Таким образом, предназначение человека виделось в его гражданских и политических качествах – в долге перед государством, обществом, в труде, а уж затем в достижении счастья. Но стремление к

счастью также признавалось элементом нормального долженствования.

Таким образом, можно констатировать, что рост значения проблемы предназначения человека и социума происходит тогда, когда в обществе усиливается значение гражданского самосознания. Именно идеологи с такой позиции будируют общество и формулируют подобные идеологические и социальные формулы.

Альтернативный вариант образа жизни и ценностей предложили представители старообрядчества. Божественная благодать является человеку в определенных видимых формах, что связано с духовно-телесной природой человека. Старообрядчество признавало за индивидом способность самому различать истину и заблуждение и, таким образом, не подчиняться авторитетам. Они ссылались на примеры Афанасия Великого, Иоанна Златоуста и др.

Возникновение светской философии способствовало новому пониманию человека и его предназначения.

Василий Никитич Татищев придерживался оптимистической и просветительской теории прогресса человеческого рода. Основными этапами прогресса он считал изобретение письменности, пришествие Христа и создание книгопечатания И. Гутенбергом. Человек по своей природе, считал Татищев, стремится к благополучию [3]. Чтобы быть благополучным, надо достигать «спокойствия совести», которое дает спокойное наслаждение души благами. Для этого нужна любовь и помощь других. Татищев, следовательно, считал благополучием жизнь в условиях добровольного и взаимного благополучия. Осознание этого, по Татищеву, не происходит в молодости, когда человек обуян плотскими успехами. Но познание воли творца и закона Божия приходит с возрастом [4], когда человек начинает преодолевать пороки юности и возвышает духовные интересы.

Антиох Дмитриевич Кантемир придерживался просветительских и механистических воззрений на ход дел во Вселенной. Сравнивал этот порядок с ходом часов [5].

Во взглядах М.В. Ломоносова предназначение жизни и судьбы скорее всего можно понимать как долг перед Отечеством.

Михаил Михайлович Щербатов придерживался консервативных взглядов. В работе «О повреждении нравов в России» (ок. 1787 г.) он выступал против просветительских западных реформ и ценностей и отстаивал допетровские нравы. Ценности и авторитет на основе «заслуги» он не признает и им противопоставляет родовые качества. При этом он отрицает роль провидения, а выходцев из среды дворян, наделенных лучшими качествами, – тех, кто ведет за собой людей (царей, полководцев), он называл «лучшие мужи».

В масонстве существовали свои ценности человеческих качеств. Масоны (вольные каменщики) в России официально существовали с 1731 г. – провозглашение первой ложи и до 1822 г. – официального запрещения. Это идеологическое движение носило тайный характер и подлинное идеологическое знание считало эзотерическим. Их знание и практики провозглашали идеалы наднационального братства и самосовершенствования. Главные и «подлинные» знания и ценности масоны связывали с райским (дохристианским) периодом существования человека.

Масонство являлось аристократическим, элитарным мировоззренческим движением, прежде всего в Москве и Петербурге. После ученической стадии в Москве была создана «сциентифическая» (научная) ложа второй ступени «Гармония», в которую входили Н.И. Новиков, Н.Н. Трубецкой, М.М. Херасков, И.П. Тургенев, А.М. Кутузов, И.В. Лопухин, С.И. Гамалея, И.Г. Шварц. Идеалом розенкрейцера была отрешенно-аскетическая позиция по отношению к миру и опора на «соломоновы науки». Она включала также обуздание гордыни и «работу» по самосовершенствованию. Значительное место в их мировоззренческой позиции занимало тайное знание (Я. Беме, Э. Сведенборг и др.). Масоны считали, что единая божественная сущность человека разрознена во множестве религий и можно ее обобщить только мистико-символически. Разные формы соединения плотского и духовного порождают иерархию человеческих типов, на вершине которой богочеловек, внизу – ветхий Адам [6].

Человек масонов – это не только микрокосм, но и микротеос. Иерархия трех форм человеческого бытия такова: 1) ветхий Адам; 2) человек массовидный; 3) Богочеловек.

Согласно И.В. Лопухину становление «внутреннего человека» равнозначно пробуждению сверхчувственных способностей [7]. В отличие от западноевропейских масонов, веривших в прогресс и просвещение, российские масоны стояли за незыблемость самодержавия, сохранение сословий и крепост-

ничества [8]. Западноевропейцы стремились построить единое сверхгосударство на началах свободы, равенства и братства, богом для них было просвещенное человечество, религией – абстрактный антропоцентризм. Однако некоторые масоны, например, Н.И. Новиков, видели позитив для перерождения человека в знании, а совершенным признавали тот порядок, в котором человек имеет материальный достаток, свободу и стабильность.

Во время правления Александра I масонские ложи, наряду с тайными обществами декабристов, были запрещены.

Г.С. Сковорода называл себя «Сократом на Руси». Это много значило. Он обладал рядом замечательных качеств: был личностью цельною, его учение соответствовало его образу жизни. Сковорода использовал самый демократический метод – сократический; предмет философии он строил также по Сократу: человек и его добродетели. Свое предназначение он видел в философском образе жизни, что методически означало подражание Сократу. В реальной жизни это была игра интеллекта и жизнь как игра. Методологически именно у Сковороды мы впервые встречаемся с открытым, свободным, независимым стилем философствования. Его философия – это страстный и аскетический порыв к истине, логосу, бытию. Он учит не готовым принципам, а умению мыслить, жить, пробуждать работу самосознания. Его метод диалогический и герменевтический. Он – страж самосознания. Ему пришлось стать странствующим философом неспроста, т.к. он отвергал монашеский сан. Один из способов сохранить статус светского философа и подлинность собственной позиции – странствование. Отвлеченному рационализму он противопоставил путь самопознания, сердце и волю.

Развитию светской философии способствовало открытие Московского университета, в котором наряду с юридическим и медицинским был философский факультет (Н.Н. Поповский, Д.С. Аничков, С.Е. Десницкий).

Ученик Аничкова и Десницкого А.М. Брянцев (1749–1821) придерживался рационалистической, деистической позиции. Он считает, что мудрость Божия вносит смысл в мироздание и определяет его конечный смысл. Но мироздание имеет свои естественные законы: закон непрерывности, закон бережливости, закон всеобщего сохранения, закон вознаграждения.

Рассматривая проблему детерминизма, он признает свободу воли, осуществляя своеобразный синтез стоицизма и христианства. Он допускает возможность чуда, как восстановления нарушенного человеком естественного порядка.

Я.П. Козельский (1728–1794) и право, и политику начинает с этики. В метафизику кроме онтологии вводит психологию. Придерживается теории общественного договора и просвещенной монархии. Государство и правовые отношения он оценивает как великое благо. Благом, согласно этим отношениям, является жизнь человека.

П.С. Батулин (1740–1803) критикует мистику Л.К. Сен-Мартена и придерживается просветительских взглядов. Государство рассматривает как полезную форму социальной организации, выросшую из иерархического союза семей. В соблюдении законов он видит основу общего блага.

А.Н. Радищев (1749–1802) впервые в отечественной истории создает антропософский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии». Трактат, по существу, является энциклопедической суммой естественнонаучных и гуманитарных знаний о человеке. По накалу антитетичности это произведение можно сравнить с антиномиями чистого разума И. Канта. В первой части (первая и вторая книги) он рассматривает естественнонаучные основания развития человека. Центральным пунктом эволюции оказывается развитие души, которая в этой парадигме смертна. Главное качество, порождающее специфику человека, – в целостности его организации. Важная роль в развитии человека, его сознательности принадлежит преформированию.

Во второй половине трактата (третья и четвертая книги) он рассматривает человека с гуманитарных и гуманистических позиций и приходит к гипотезе о бессмертии души. Таким образом, А.Н. Радищев реализовал комплексный подход к рассмотрению человека в мире: предметный, функциональный, историко-генетический [9].

В отличие от мыслителей православных, видевших траекторию человеческого существования сквозь призму божественного предопределения, Радищев исходит из человека как естественного существа, способного к духовному бессмертию. Бессмертие рассматривается им как главный возможный императив жизни. Такая позиция была обусловлена и его личностными потрясениями. Он лично пережил

приговор к смертной казни, а в молодости был сильно потрясен смертью близкого друга Ф.М. Ушакова.

Поэтому можно сказать, что жизнь человека он рассматривал как трагический порыв к бессмертию. Если же исходить из его либеральной, просветительской социально-политической позиции, то к главным качествам народов и человека он относит свободу. Этот аргумент служил основой допущения революции как средства низвержения деспотизма, ограничивающего свободу народа.

Таким образом, в концепции Н.А. Радищева представлена целостная картина онтологических предпосылок и основ бытия человека. Некоей предопределенной задачи, цели бытия Радищев не формулирует. Человек в этой антропологической картине мира представлен как открытое миру существо, формирующееся во взаимодействии с миром. Трагизм существования человека заключен в его смертности, бессмертие допускается им как возможность духовной бессмертности.

Итак, проблема предназначения социума и личной жизни возникает в социуме на высокой стадии его нравственного самосознания. Социум должен быть, с одной стороны, озабочен своей судьбой, а с другой, он должен вынашивать планы своего исторического пути. Градус нравственного самосознания должен быть высок, оно должно быть вызревшим. Ведь наличие гражданской позиции означает, что человек думает о государстве, его судьбе не по долгу службы, а по долгу гражданского самосознания. Эта смысловая логика выражается в символических формах, переживаниях и размышлениях вокруг них, в трактатах о человеке, общественном устройстве и переустройстве.

Ф. Прокопович – один из тех мыслителей, кто тематику мировоззренческого предназначения человека вписал в практику социального переустройства общества.

Основные концепции предназначения человека были в этот период христиански-духовными или светски рациональными. Идеологически они выражались в религиозных или светских проектах о должном развитии государства, человека, нравов, права. Г.С. Сковорода впервые создает проект открытого, свободного развития человека на основе сократической диалектической методологии и методики проповедования социальных дискурсов.

А.Н. Радищев впервые проблему предназначения переводит в план антропософии, соединяя антропологические мотивы смерти/бессмертия с социально-политическими мотивами свободы и революции.

Список литературы:

1. Сказание о начале славянской письменности. М., 1981. С. 73.
2. История русской философии / ред. М.А. Маслин и др. М.: Республика, 2001. С. 30.
3. Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 60.
4. Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 133.
5. Кантемир А.Д. Примечания к «Разговору о множестве миров» Фонтенеля. СПб., 1740. С. 14–15.
6. Изображение ветхого и духовного человека. СПб., 1798. С. 18.
7. Лопухин И.В. Массонские труды. М., 1997. С. 148.
8. Лопухин И.В. Массонские труды. М., 1997. С. 16.
9. История русской философии: Учебник для вузов / ред. М.А. Маслин и др. М.: Республика, 2001. С. 109.